

В.А. Шнирельман
Албанский миф^[1]

Албанизация армянского наследия

Самым излюбленным занятием азербайджанских авторов стало переименование средневековых армянских политических деятелей, историков и писателей, живших и творивших в Карабахе, в албан. Так, со временем Мовсес Каганкатвацци^[2], писавший на армянском языке, превратился в албанского историка Моисея Каланкатуйского. Та же участь постигла армянского князя Сахля ибн-Сумбата (армяне предпочитают называть его Сахлом Смбатяном^[3]), ставшего не то албаном, не то азербайджанцем.

Наиболее влиятельной в Азербайджане книгой, где все это стало принципиальной позицией, была работа З.М.Буниятова, вышедшая в 1965 г. и посвященная событиям арабского времени в Кавказской Албании^[4], которую он прямо именовал Азербайджаном. В этой книге он уже говорил об «армяноязычных авторах», разумея под ними деятелей раннесредневековой Албании, писавших по-армянски, таких, как историки Мовсес Каганкатвацци и Киракос Гандзакецци^[5], поэт Давтак, правовед Мхитар Гош^[6]. Между тем, армяне числили всех этих деятелей культуры среди важнейших создателей армянской литературной традиции; их, разумеется, не могли не возмущать новые интерпретации Буниятова, которые они трактовали как посягательство на армянских культурных деятелей.

Мало того, Буниятов писал о не дошедшей до нас богатой литературе на албанском языке, якобы уничтоженной стараниями арабов и армян. При этом армяне будто бы предварительно перевели албанские рукописи на грабар^[7], сознательно искажая изначальные албанские тексты. Буниятов делал специальный акцент на происках армянских католиков, которые с помощью арабов, приветствовавших любые антивизантийские акции, пытались силой внедрять монофизитство. С тех пор эта идея стала аксиоматичной в азербайджанской историографии. Между тем, как подчеркивали в ответ армянские ученые, речь шла не о каком-либо межэтническом конфликте, а о религиозной борьбе монофизитов против халкедонизма. Последний опирался на поддержку Византии, пытавшейся оказывать сильное давление равным образом на Армению и Агванк; и в этой борьбе Армянская и Агванская церкви действовали как союзники. Армянские критики указывали также на то, что создавая фантастическую картину уничтожения албанской литературы армянами, Буниятов умалчивал о реальных фактах - о варварском уничтожении армянских рукописей тюрками-сельджуками.

Начиная со второй половины 1950-х гг. азербайджанские историки прилагали все усилия для того, чтобы оторвать население раннесредневекового Карабаха от армян. Они не только подчеркивали языковое родство его исконных обитателей с горцами Дагестана, что в общем-то правильно, но и пытались

доказывать, что албаны-христиане разговаривали по-тюркски, или изобретали сюникский язык или особый сюникский диалект албанского языка. В ответ армянские авторы указывали, что периферийные говоры Арцаха^[8] и Сюника были всего лишь диалектами армянского языка.

Иной прием избрал Буниятов, который, во-первых, сильно омолаживал процесс арменизации Нагорного Карабаха, относя его едва ли не к XII в., а во-вторых, следуя уже установившейся в Азербайджане тенденции, делал акцент не на языке, а на культурных традициях, и заявлял, что Арцах никогда не принадлежал к центрам армянской культуры. Некоторые из его коллег шли еще дальше и подчеркивали, что местные обитатели вплоть до XVIII-XIX вв. сохраняли свое особое, отличное от армянского, национальное самосознание.

Позднее Буниятов целенаправленно пытался «очистить» и другие земли современного Азербайджана от армянской истории.

Одновременно Буниятов стремился пересмотреть историю Армении. Он утверждал, что со времен Тиграна Великого^[9] у армян никогда не было ни политической, ни экономической независимости, и высмеивал стремление армянских историков объявить царство Багратидов независимым государством. Естественно, армянские специалисты не могли трактовать это иначе, как «искажение истории армянского народа», и усматривали в этом тревожный симптом - поворот азербайджанской науки к традициям антиармянской турецкой историографии. Уместно отметить, что Буниятов начал очень активно пропагандировать все эти взгляды вскоре после печально известного Пленума Нагорно-Карабахского обкома компартии Азербайджана, состоявшегося в марте 1975 г., о чем речь еще впереди.

В то же время азербайджанские историки пытались доказать, что Кавказскую Албанию неверно рассматривать как отсталую периферию передневозосточных цивилизаций и что по уровню развития она нисколько не отставала от своих соседей. Со временем азербайджанские авторы начали удревнять время возникновения государства Кавказская Албания, чтобы сделать его современником Иберийского царства. Вопреки Страбону^[10], относившему это к I в. до н.э., они стали писать о IV—III вв. до н.э.

Делались также попытки удревнить время проникновения христианства в Кавказскую Албанию. Ссылаясь на весьма сомнительные сообщения Мовсеса Каганкатуаци, азербайджанские авторы доказывали, что Албания была едва ли не первой христианской страной в Закавказье и что Албанская церковь имела апостольские начала. В своем исследовании, специально посвященном истории раннесредневековой Албанской церкви, Р.Б. Геюшев делал все, чтобы оторвать ее от армянских корней, и по мере сил замалчивал все, что касалось ее вековой подчиненности Армянской церкви. О последней он вспоминал только в связи с ее активной борьбой против халкедонизма, укрепившегося в Албании в VII в. Тем самым, вслед за Буниятовым, он изображал Армянскую церковь исключительно злобной силой, пытавшейся подавить свободомыслие в Албании. Геюшев признавал наличие множества армянских надписей на раннехристианских памятниках, но упорно называл последние не армянскими, а албанскими.

В то же время, если Геюшев все же признавал, что начиная с VIII в. Албанская церковь попала в подчинение армянской, то некоторые другие азербайджанские авторы шли еще дальше и доказывали, что арменизация Албанской церкви никак не могла произойти ранее середины XVII в. Мало того,

они настаивали на том, что создатели армянских надписей на местных средневековых храмах не имели никакого отношения к армянам. Вопреки фактам, они пытались убедить читателя и в том, что большинство таких надписей имели поздний вторичный характер и наносились поверх предварительно уничтоженных албанских. Так, средневековые армянские храмы под пером азербайджанских авторов постепенно стали превращаться в «албанские». Дело доходило до курьезов, когда «албанскими» начали признаваться даже типичные армянские надписи.

Многие азербайджанские авторы рассуждали следующим образом. Если правобережье Куры принадлежало Кавказской Албании и не имело отношения к армянам, то там не должно было быть и следов армянского присутствия, а все исторические памятники должны были быть творением албанов. Поначалу наличие армянских памятников просто замалчивалось, к чему начали прибегать еще в 1950-е гг. Например, в туристическом справочнике «Памятники истории Азербайджана», выпущенном сотрудниками Музея истории Азербайджана в 1956 г., об армянских памятниках культуры не было сказано ни слова. Из всех многочисленных древних христианских монастырей, расположенных в Азербайджане, был упомянут только один – Кызылванк, что под Нахичеванью. Единственным памятником Нагорного Карабаха, помещенном в справочнике, являлась крепость Джраберд. О связи этих памятников с армянами умалчивалось. А между тем, Кызылванк (по-армянски Кармир Ванк, т.е. Красный монастырь) является единственным из древних армянских монастырей, уцелевшим до сих пор в г. Астапат. Этот архитектурный комплекс, возникший в VII в. и известный армянам как монастырь св. Степаноса, считается «значительным памятником армянской средневековой архитектуры». Что касается крепости Джраберд, то само ее название имеет армянскую этимологию: «джур» означает «вода», а «берд» — «крепость». В XVII—XVIII вв. эта крепость была резиденцией армянских меликов Израелянов. В справочнике вовсе не сообщалось о том, что рядом с крепостью располагался армянский монастырь XVI—XVII вв. Ерек Манкунк, где сохранялись армянские хачкары^[11] (камни с изображениями креста).

В новом еще более полном издании этого академического справочника авторы не забыли упомянуть даже о расположенных в Баку остатках храма огнепоклонников, но об армянах и их культурном наследии упорно хранили гробовое молчание. Древние памятники письменности упоминались лишь в связи с раскопками в Мингечауре, где были найдены фрагментарные албанские надписи. Зато многочисленные армянские надписи авторов не привлекали. Кызылванк теперь прямо назывался албанским монастырем, тогда как для армянских церквей и кладбищ в справочнике места не находилось. Между тем, в одном лишь Нагорном Карабахе имелось не менее 60 монастырей и 500 церквей; среди них замечательный Гандзасарский монастырь^[12] XIII века, который армяне почитают как «самый великолепный из богатого архитектурного наследия армянского народа». Не говорилось в справочнике и о хачкарах X—XIII вв., во множестве рассеянных по территории Нагорного Карабаха и встречающихся в других южных районах современного Азербайджана.

Такой политики Музей истории Азербайджана последовательно придерживался десятилетиями. В юбилейном издании, посвященном Музею, он прямо объявлялся хранилищем «бесценных сокровищ духовного и материального наследия азербайджанского народа». Обитатели Азербайджана,

начиная с эпохи первобытности, безоговорочно назывались «азербайджанцами». Музей с гордостью экспонировал раннесредневековую албанскую надпись из Мингечаура, но умалчивал о десятках и даже сотнях армянских надписей, найденных в правобережье Куры. О каких-либо других народах, живших на территории Азербайджана, не сообщалось, как не упоминалось и о том, что в 1920-е гг. музей назывался Музеем истории народов Азербайджана. В октябре 1983 г. Президиум АН Азербайджанской ССР принял постановление об издании «Свода памятников истории и культуры Азербайджанской ССР». К этому были привлечены лучшие силы республики. Однако и здесь речь шла об историческом и культурном наследии исключительно азербайджанского народа (Абасов, 1989). В книгах по истории искусства и архитектуры Азербайджана армянские памятники культуры регулярно куда-то исчезали. Мало того, со временем из них стала исчезать даже ... Кавказская Албания; ее заменили азербайджанцы и их «предки». В парадном издании, посвященном памятникам азербайджанского зодчества, были представлены, в основном, мусульманские постройки; о древних христианских храмах на территории Азербайджана там не упоминалось вовсе.

В 1980 г. в Москве была опубликована карта памятников зодчества Азербайджанской ССР, подготовленная азербайджанскими специалистами. Из фигурировавших на ней 101 объекта только два представляли раннесредневековые христианские храмы, причем оба располагались на северо-западе Азербайджанской ССР недалеко от границ Грузии. В Куро-Аракском междуречье не было показано ни одного христианского памятника; на карте отсутствовал даже Гандзасарский монастырь. Иными словами, исторический Азербайджан представлялся туристу исключительно мусульманской страной; память об армянах и даже о господствовавшем там некогда христианстве последовательно стиралась. И это несмотря на то, что азербайджанские ученые-«албанисты» десятилетиями пытались приписать азербайджанцам албанских предков-христиан!

Другим способом преуменьшить присутствие армян в древнем и средневековом Закавказье и умалить их роль является переиздание античных и средневековых источников с купюрами, с заменой термина «Армянское государство» на «Албанское государство» или с иными искажениями оригинальных текстов. В 1960-1990-х гг. в Баку вышло немало таких переизданий первоисточников, чем активно занимался академик З.М.Буниятов. В самые последние годы, описывая этнические процессы и их роль в истории Азербайджана, азербайджанские авторы порой вообще избегают обсуждать вопрос о появлении там азербайджанского языка и азербайджанцев, тем самым давая читателю понять, что они существовали там испокон веков.

Вряд ли, азербайджанские историки делали все это исключительно по своей воле; над ними довлел заказ партийно-правительственных структур Азербайджана. Особую роль сыграл мартовский 1975 г. Пленум обкома партии НКАО, где рассматривались вопросы патриотического воспитания и противостояния национализму. Пленум был ответом на рост армянского национального движения. Поэтому под национализмом на Пленуме однозначно понимался армянский национализм, и после Пленума резко усилилось вмешательство властных органов Азербайджана в духовную и культурную жизнь армян Нагорного Карабаха. С этого времени во всех справочниках коренное население области стало называться азербайджанцами, были прерваны

все культурные связи с Арменией, включая прием радиопередач. Тогда же безусловный приоритет получили версии истории, приемлемые с точки зрения «азербайджанской идеи». Юбилейный сборник, посвященный 50-летию НКАО, был изъят из обращения и сожжен по той причине, что в нем говорилось о вековой борьбе населения Карабаха за независимость и перечислялись армянские архитектурные и археологические памятники. Вместо него был опубликован статистический сборник, где сообщалось лишь о том, что настоящая история Нагорного Карабаха началась лишь после установления советской власти в Азербайджане.

Последнее в качестве директивной формулы повторялось и в новом юбилейном издании, выпущенном к 60-летию создания НКАО. Древнейшей и средневековой эпохам его авторы уделили буквально две фразы, говорящие о многочисленных памятниках истории, расположенных в Карабахе. Но о том, что местные средневековые памятники были созданы предками армян, умалчивалось. Зато всячески прославлялась палеолитическая пещера Азых, где в 1970-х гг. была найдена челюсть древнейшего на территории СССР человека. Как все это контрастировало с изданной через год книгой, посвященной 60-летию Нахичеванской АССР, в которой детально рассматривалась древняя и средневековая история с действовавшими в ней «предками азербайджанцев»! В ней явственно звучала мысль о том, что, не в пример Карабаху, Нахичевань неоднократно переживала периоды расцвета задолго до установления советской власти. Надо ли говорить, что и в этой книге историческое присутствие армян в Нахичевани и их богатое архитектурное наследие полностью игнорировались. Это была установка, которой обязаны были следовать все азербайджанские историки.

В свое время еще Буниятов объявил Нахичевань исключительно азербайджанским городом на том основании, что в XII в. атабеки временами устраивали там свою резиденцию. Правда, он же отмечал местоположение Нахичевани в пограничной области, где сказывалось влияние «иноверцев-христиан». О том, что эти христиане были армянами, он старательно умалчивал. Любопытно, что на карте, помещенной в его книге, Нахичевань оказывалась едва ли не в центре Азербайджана. В конце 1980-х гг., когда напряженность в армяно-азербайджанских отношениях шла к критической отметке, все такие аргументы широко тиражировались азербайджанской прессой. В частности, они нашли отражение в статье Дж. Гулиева, директора Института истории партии при ЦК КП Азербайджана, заявлявшего, что азербайджанцы не только с древнейших времен жили на территории Нахичевани, но и всегда составляли там большинство населения. Другой видный азербайджанский историк, М.А. Исмаилов, в популярной брошюре, направленной против «фальсификаторов» истории, тоже заявлял, что «город Нахичевань никогда не являлся армянским». Однако, в памяти армян Нахичевань остается одним из древних городов, с которым связаны значительные события в жизни их предков (принятие христианства, начало школьного образования и т.п.) и где, несмотря на все разрушения, до сих пор сохраняются шедевры армянского зодчества и художественной культуры.

В 1970-е гг. азербайджанские историки перешли от замалчивания к присвоению армянского исторического наследия. Средневековое княжество Хачен^[13] в одночасье стало «албанским», а принадлежавший ему Гандзасарский монастырь был объявлен «памятником культуры и религии Кавказской

Албании». В 1986 г. в Баку в популярной серии «Памятники материальной культуры Азербайджана» была опубликована брошюра, где Хаченское княжество и Гандзасарский монастырь представлялись безусловным историческим наследием Кавказской Албании на том основании, что местные католики отождествляли себя с особой Албанской церковью. В то же время, авторы этих публикаций умалчивали о том, что храм являлся типичным образцом армянского зодчества X-XIII вв., что в нем сохранились многочисленные армянские надписи, что никакого Албанского государства в ту эпоху уже давно не существовало и что правитель Хаченского княжества назывался в источниках армянским князем. Что же касается названия «Албанская церковь», то оно, как указывали специалисты, лишь отражало консервативность церковной традиции.

Все эти доводы лишь распаляли воображение азербайджанских авторов. И в 1980-х гг. один из них, архитектор Д.А. Ахундов, сделал попытку объявить типичные памятники армянского средневековья, хачкары, «албанскими хачдашами» и потратил немало усилий для того, чтобы доказать, будто по стилистике они существенно отличались от армянских. По его мнению, на этих памятниках сохранялись живые следы дохристианской митраистской или зороастрийской символики, и он «находил» эти следы в типично христианских изображениях. Фактически, как было отмечено критиками, Ахундов попросту либо не знал, либо умышленно игнорировал хорошо известные особенности христианской иконографии, принося ее в жертву «навязчивой идее "митраизма"». В результате он обнаруживал пережитки последнего в типичных символических изображениях евангелистов и охранителей храмов. Мало того, также по неведению или же преднамеренно Ахундов ухитрился просмотреть армянские надписи, сохранившиеся почти на всех изученных им «хачдашах».

Между тем, критику со стороны специалистов Ахундов воспринимал как стремление наложить вето на азербайджанские исследования по истории Кавказской Албании и не допустить азербайджанских ученых к изучению местной раннехристианской культуры. В то же время он сам, возможно, по наивности, откровенно демонстрировал цели этих исследований: признавая, что армянские надписи на раннехристианских храмах ему явно мешали, создавая «мнение, будто они (храмы и хачдаши. - В.Ш.) принадлежали к Армянской церкви», он пытался дискредитировать эти надписи и представить их фальшивками. Фактически он делал все, что в его силах, чтобы вытеснить армянское культурно-историческое наследие из пределов Закавказья. А тем временем в 1980-е гг. азербайджанские власти перестали пускать на территорию Азербайджана армянских исследователей, и попытка последних произвести в 1989 г. археологические раскопки в Нагорном Карабахе и оказать помощь в реставрационных работах была расценена крупным азербайджанским историком как «прямое вмешательство во внутренние дела суверенной республики - Азербайджанской ССР».

Некоторые другие авторы, рассматривая раннехристианские памятники Кавказской Албании, просто умалчивали об армянских архитектурных сооружениях, хачкарах и эпиграфике. Вслед за этим, началась «албанизация» первобытных памятников Азербайджана. По историческим источникам было известно, что в последней трети I тыс. до н.э. на территорию Кавказской Албании с севера проникали ираноязычные кочевники, и с их появлением ученые сопоставляли распространение обычая катакомбных погребений с

встреченным там обрядом трепанации черепа, в целом характерным для сарматов и родственных им племен. Иначе на это смотрят отдельные азербайджанские авторы, которые, несмотря на явные сарматские черты таких захоронений, предпочитают считать их «албанскими» или даже «тюркскими». Мало того, азербайджанский археолог Д.А. Халилов готов объявить албанскими едва ли не все местные древние погребальные памятники, несмотря на их очевидную разнокультурность.

Наконец, новый ракурс этому дискурсу придали ревизионисты, объявившие население Восточного Закавказья едва ли не изначально тюркоязычным. Они причисляли Карабах к «исходной земле наших предков шумеро-тюркского происхождения», идентифицировали с тюрками саков, давших название расположенной в правобережье Куры области Сакасена, представляли Атропатену «первым центром скифо-тюркских племен» и населяли тюрками княжество Хачен. Одной из острых проблем в этом отношении является культурная принадлежность каменных изваяния баранов и лошадей, в изобилии встречающихся на средневековых кладбищах Куро-Аракского междуречья. Азербайджанские ученые склонны причислять их к тюркскому наследию и видеть в них тотемные изображения древних тюрков. Начало этой традиции положила исследовательница средневековья С.Б. Ашурбейли, которая возмущалась тем, что сотрудница Государственного Эрмитажа Е.Г. Пчелина отнесла такие изваяния к армянскому культурному наследию. Между тем, перечисляя вслед за Е.Г. Пчелиной и В.М. Сысоевым места обнаружения этих памятников, Ашурбейли в отличие от названных исследователей забывала упомянуть одно - то, что такие скульптурные изображения встречались на армянских кладбищах, расположенных рядом с армянскими средневековыми церквями. Надо ли удивляться тому, что армянские специалисты со своей стороны демонстрируют глубокие корни культа барана на Армянском нагорье и доказывают, что его каменные изваяния относятся к древней местной армянской традиции?

Постепенно научный спор о принадлежности тех или иных исторических памятников приобрел актуальное практическое значение. Обе стороны начали обвинять друг друга в уничтожении исторического наследия, принадлежавшего другой стороне. И в самом деле уничтожение памятников действительно имело место. До начала широких военных действий в Карабахе происходила, как выразился один наблюдатель, «война кладбищ» и «каменная война», направленная против исторической памяти. В результате к осени 1989 г. разрушение надгробных памятников приняло характер эпидемии. Особенно пострадало армянское кладбище в окрестностях Шуши, где были повалены каменные стелы и хачкары.

Иногда уничтожение исторических и культовых памятников получало обоснование в работах местных ученых. Например, в 1975 г. при строительных работах в Нахичевани была снесена глубоко почитаемая армянами церковь Сурб Еррордютюн (Святой Троицы), где по преданию в 705 г. арабами были заживо сожжены армянские князья. Вскоре после сноса этой церкви Буниятов начал отстаивать идею о том, что указанное событие произошло вовсе не в Нахичевани на р. Араксе, а далеко оттуда на нынешней территории Северо-Восточной Турции, где он и советовал армянам искать свои исторические реликвии. Надо ли говорить о том, насколько это возмутило армянских исследователей?

Особенно остро вопрос о принадлежности тех или иных древних монастырей встал в конце 1980-х гг. в условиях либерализации государственной политики в отношении церкви. Например, в 1989 г. Совет по делам религии при Совете Министров СССР передал здания Гандзасарского и Амаракского монастырей^[14] в ведение Армянской церкви. Это вызвало бурю возмущения в Азербайджане, где их связывают с албанским, и таким образом с азербайджанским наследием. В итоге по требованию Совета Министров Азербайджана Совету по делам религии пришлось отменить свое решение, и указанные архитектурные комплексы вернулись под юрисдикцию Азербайджана.

За всеми этими страстями в 1960-1980-е гг. стояла одна кардинальная проблема - южные границы Кавказской Албании. О том, что Куро-Аракское междуречье принадлежало не Армении, а Кавказской Албании, первым с полной определенностью заявил Буниятов. Вслед за ним это, как по команде, стали повторять все азербайджанские историки, включая и специалистов, которые теперь считали своей честью доказывать, что граница между Кавказской Албанией и Арменией всегда или почти всегда проходила не по Куре, а по Араксу.

Албанский миф

Таким образом, представления азербайджанцев о древней и средневековой истории края были прямо противоположны армянским. Поводом для открытого и резкого противостояния двух историографических школ стала состоявшаяся в 1986 г. в Баку защита докторской диссертации Ф.Д. Мамедовой. Свою карьеру Ф.Д. Мамедова начала с исследования различных списков рукописи Мовсеса Каганкатваца. Выполнив свою кандидатскую диссертацию под руководством известного армянского историка К.Н. Юзбашяна и защитив ее в 1971 г., она опубликовала ее в виде книги в 1977 г. Пока рукопись готовилась к публикации, ее общий настрой заметно изменился. Если диссертация была посвящена манускрипту Мовсеса Каганкатваца, то в книге последний превратился в «албанского автора» Моисея Каланкатуйского; там воспроизводилась уже знакомая нам версия о том, что албанский оригинал «Истории албан» был позднее переведен на армянский язык. В то же время полностью игнорировался тот факт, что многое в этом тексте было заимствовано из армянских источников и что «страна Агванк» Мовсеса Каганкатваца была вовсе не идентична изначальной Кавказской Албании. Короче говоря, над рукописью Мамедовой, очевидно, основательно поработал ее редактор З.М. Буниятов. Мало того, по словам одного из критиков, Мамедова, похоже, не читала первоисточники и многие из исследований, на которые она ссылалась; и ее выводы вызывали у специалистов недоумение.

Между тем, не без подсказки Э.М. Буниатова Мамедова выбрала для своей докторской диссертации острейшую проблему, стоящую в центре азербайджанско-армянского спора - «каковы были политические границы албанского государства в период античности и раннего средневековья, на какой территории шло формирование албанской этнической общности, которая была одним из предков азербайджанского народа, какова была ее политическая жизнь, идеология, религия». В этой диссертации как бы подводился итог той многолетней работы по пересмотру албанской истории и культуры, которую

провели азербайджанские авторы. У Мамедовой не было сомнений в том, что в Кавказской Албании до X в. имела своя разнообразная литература на албанском языке, и она повторяла домыслы своих коллег о переводе «Истории албан» на армянский язык. К албанским деятелям культуры она, вслед за Буниятовым, причисляла Мовсеса Каганкатваца, Мхитара Гоша, Киракоса Гандзакаци. Мало того, она писала о неких никому не ведомых переводах богословской литературы с греческого и сирийского на албанский и высказывала догадку о том, что своя письменность в Албании появилась еще в дохристианское время. Она также ставила под сомнение участие Месропа Маштоца^[15] в создании (она даже писала о «реформировании») албанского алфавита^[16]. Стоит ли говорить, что никаких документальных свидетельств в пользу этого не приводилось?

Хаченское княжество вместе с его правителями и памятниками архитектуры Мамедова причисляла к «албанскому историческому наследию». Она даже настаивала на существовании особого «албанского этноса» в эпоху средневековья и, чтобы окончательно дистанцировать его от армян, заявляла, что последние поселились на территории Азербайджана лишь в конце XVIII-начале XIX вв.

Сознавая, что все это находится в противоречии с показаниями средневековых армянских авторов, Мамедова уличала их в тенденциозности и искажении истинной картины. Разумеется, нельзя не признать справедливость ее призыва к критике исторических источников. Однако от внимательного читателя не ускользнет тот факт, что этот призыв странным образом не распространялся на те источники, которые удовлетворяли концепции Мамедовой. В частности, она цитировала целые страницы из «албанского историка Моисея Каланкатуйского», полностью доверяя этому автору и не делая никаких попыток сопоставить его показания с данными других источников.

Особое пристрастие она проявляла в отношении армянской историографии. Она не без оснований упрекала современных армянских историков в приукрашивании истории древней Армении. В то же время сама она пыталась всячески поднять престиж Кавказской Албании - удревнить ее возникновение, избавить ее от зависимости от соседних могущественных держав, показать незыблемость ее границ, а также продемонстрировать очень раннее проникновение туда христианства и доказать независимость Албанской церкви от Армянской.

Книга Мамедовой была и знаком того, что, вслед за армянскими и грузинскими учеными, азербайджанские специалисты также выказали готовность ступить на зыбкую почву «исторической географии», которая в советских условиях была прикрытием ожесточенной идеологической борьбы за территориальные границы. И Мамедова с усердием доказывала, что никакие исторические потрясения не оказывали влияние на границы Кавказской Албании, якобы постоянно охватывавшие все правобережье Куры. Спор с армянскими и грузинскими авторами велся за те земли, где в глубокой древности обитали албанские племена, позднее попавшие под сильное влияние соседних армянской и грузинской культур. Политический статус этих земель временами менялся: они то находились в составе Кавказской Албании, то принадлежали Армении, то Грузии, то Азербайджану - речь шла о таких областях как Камбисена, Гогарена (Гугарк) и Эрети на западе, правобережье Куры (Утик, Арцах) на юго-западе, а также Сюник и Пайтакаран на юге. Вслед за

Буниятовым, она повторяла, что процесс арменизации албанов Арцаха был сильно растянут во времени: вначале они подпали под влияние Армянской церкви («грегорианизировались»), и лишь с X в. начали переходить на армянский язык и восприняли армянскую культуру, что и означало их арменизацию.

С тех же позиций она оценивала и ситуацию в лежавшей на территории исторической Армении Нахичевани. Она утверждала, что арменизация началась там тоже лишь в X в., что до XII в. там использовалась албанская письменность (ни одного свидетельства этому до сих пор нет. – *В.Ш.*), что там жили не армяне, а «арменизированные албаны» и что именно они создавали там замечательные памятники зодчества, которые армяне ошибочно считают своими. При этом она не только отметала показания всех армянских средневековых источников, но отказывалась доверять греко-латинским авторам, если их данные противоречили ее концепции. Зато она полностью полагалась на Мовсеса Каганкатваца, считая, что уж он-то знал ситуацию много лучше других.

Наконец, Мамедова изображала Албанскую церковь как апостольскую и автокефальную, независимую от армянской. Она утверждала, что та была силой подчинена последней лишь после арабского завоевания. В слабости Албанской церкви она видела причину легкой ассимиляции албанов их соседями.

Мамедова представляла албанов единым консолидированным этносом, одним из предков азербайджанского народа, едва ли не главным создателем античной и раннесредневековой культуры Азербайджана. В развитие этой идеи в последующие годы Мамедова выступила с концепцией единого древнеалбанского этноса, якобы существовавшего в I в. до н.э.-VIII в. н.э. на всей территории Кавказской Албании. Затем, расширив рамки своих исследований, она начала утверждать, что албанский этнос будто бы непрерывно развивался в Арцахе и позднее вплоть до XIX в. Взяв на вооружение советскую теорию этноса, Мамедова пыталась показать, что в раннесредневековой Албании имелись все признаки, по которым советские ученые выделяли этнос, - государственное единство в пределах стабильных территориальных границ, единство культуры (язык, письменность, литературная традиция, религия), а также албанское самосознание. Иными словами, находясь под явным влиянием советской этнонациональной модели, она пыталась интерполировать ее в далекое прошлое и выстраивала Албанское национальное государство задолго до того, как национальные государства стали политической реальностью.

Она настаивала на непрерывности албанской государственности с III в. до н.э. до конца VIII в. н.э. и на продолжении его традиций в Арцахе и Сюнике в IX-XIV вв., а затем в Карабахских меликствах XV-XVIII вв. Она доказывала, что в албанском обществе господствовала апостольская автокефальная церковь, надолго пережившая Албанское государство и сохранявшаяся вплоть до 1836 г. Мамедова приводила свидетельства того, что албанское самосознание сохранялось вплоть до XVIII—XIX вв. По ее мнению, именно албанский этнос составлял основу Албанского государства и его дериватов. Вопреки армянским авторам Мамедова отказывалась признавать существование какого-либо армянского государства в промежутке между второй половиной I в. до н.э. и V в. н.э., ибо тогда оно было поделено между Римом, Персией, затем - Византией. Жестко связывая культурный прогресс только с наличием собственной государственности, она не могла поверить в то, что, не имея таковой, Армения могла успешно развивать свою культуру и даже оказывать сильное влияние на

соседних албан. Поэтому, несмотря на наличие ранних исторических текстов об Албании на армянском языке (например, знаменитой «Истории агван» Мовсеса Каганкатвази) и полное отсутствие таковых на албанском, она вновь и вновь воспроизводила идею Буниятова о вторичном характере этих текстов, будто бы являвшихся переводами с албанских подлинников. Мало того, она шла еще дальше и высказывала предположение об «албанизации» тех армян, которые волею судьбы оказались в правобережье Куры в эпоху раннего средневековья. Признавая тот факт, что албаны начали с XII в. (армянские авторы относят этот рубеж к более ранней эпохе. - *В.Ш.*) писать на армянском языке, она заявляла, что «язык - не единственный показатель этноса» и что, несмотря на смену языка, албанское самосознание сохранялось еще в течение многих веков вплоть до XVIII-XIX вв.

Соглашаясь с тем, что албаны низовий Куры и Аракса были тюркизированы, Мамедова утверждала, что по этой причине центр христианской Албании был перенесен в Гандзасарский монастырь и в Арцахе была сделана попытка возродить Албанское царство - названия «Хаченское княжество» Мамедова всячески избегала. Настаивая на различиях между Албанской и Армянской церквями эпохи позднего средневековья, она никак не объясняла причину перехода местных албанов на армянский язык. Зато она объявляла армянские хачкары албанскими. Причиной, вызвавшей у албанов XIX в. смену идентичности с албанской на армянскую, она называла упразднение Албанской церкви Священным Синодом в 1836 г. Нельзя не отметить, что эта концепция нашла в Азербайджане широкий спрос.

Обращает на себя внимание тот факт, что вся эта конструкция была навеяна рассуждениями русского шовиниста В.Л. Величко^[17], который в 1897-1899 гг. руководил полуофициальной газетой «Кавказ», где демонстрировал откровенную нетерпимость к армянам и пытался натравить на них остальное население Кавказа. Он писал свои памфлеты в тот короткий период, когда российские власти проводили целенаправленную антиармянскую политику. На рубеже XIX-XX вв. в России культивировался негативный образ армян как народа, не имевшего никаких корней и потому представлявшего собой «пятую колонну». Иными словами, будучи редактором шовинистической газеты «Кавказ», Величко писал по заказу российских властей. Любопытно, что его работы заново начали публиковаться в Азербайджане в начале 1990-х гг. и получили там широкую популярность.

Определенное отражение в концепции Мамедовой получили и взгляды ревизионистов. Так, отрывая Карабах от древней истории армян, она зато настаивала на том, что там едва ли не с III в. н.э. обитали тюркские группы и поэтому «Арцах был частью всех азербайджанских политических образований». На рубеже 1980-1990-х гг. Мамедова активно пропагандировала свою теорию как в популярной прессе, так и на международных конференциях. В июле 1991 г. она участвовала в проведении Дней Кавказа в Берлине, где выступала с лекциями по истории Южного и Северного Азербайджана. На конференции в Париже в ответ на выступление Мамедовой об «албанском этносе» специалист по истории армянского искусства и архитектуры резонно возразил, что показанные ею сооружения с надписями XII-XIII вв. являлись, безусловно, армянскими и что «История агван», вне всяких сомнений, была написана на армянском языке.

В Азербайджане книга Мамедовой была встречена достаточно благосклонно. Восторженную рецензию на нее написал академик Бунятов, нашедший тем самым повод лишний раз подчеркнуть значимость своих собственных идей - о самостоятельной Албанской церкви, об албанской литературной традиции и, в особенности, о стабильности государственных границ Кавказской Албании. Не менее лестным был и отзыв И. Алиева, назвавшего Мамедову «рыцарем истины», неутомимо борющимся с «армянскими фальсификациями истории». Правда, дело портили элементарные ошибки Мамедовой - незнание даты рождения Мхитара Гоша, путаница в генеалогии албанских Аршакидов, которые, вопреки ей, имели парфянские, а не персидские корни. Будучи профессионалом, Алиев не мог все это оставить без внимания.

•••

История и большая политика

Если среди армян на рубеже 1980-1990-х гг. резко возросли тревоги по поводу угрозы со стороны «пантюркизма» и идеи «Великого Турана», то и среди азербайджанцев возникло беспокойство по поводу планов построения некой «Великой Армении». Масло в огонь подбрасывала антиармянская пропаганда на юге России в начале 1990-х гг. Там летом 1992г. распространялись фальшивые документы и листовки, заявлявшие от имени армян об учреждении некоего Армянского национально-освободительного фронта Северного Кавказа, якобы ставившего своей целью присоединение земель Северного Кавказа к Армении. Среди этих документов фигурировала «Историческая справка», будто бы опубликованная в 1992 г. в Степанакерте от имени Ф.В. Шелова-Коведяева, активиста Демократической России, служившего тогда заместителем министра иностранных дел России. В этом документе права армян на южные земли России оправдывались ссылками на имеющиеся якобы археологические и исторические материалы (грубая фабрикация этого документа подтверждается не только тем, что такие материалы полностью отсутствуют, но и тем, что даже армянские радикалы-ревизионисты никогда не решались заходить в своих претензиях так далеко).

В ответ на эти документы, признанные ею подлинными, московская патриотическая газета «Советская Россия» тут же опубликовала гневное письмо известного философа Э. Володина, одного из активных идеологов русского националистического движения, где тот обвинял армян в попытках оторвать от России изрядный кусок «исконно русских земель» и тем самым положить начало развалу самой России. Одновременно доставалось от него и демократам, якобы поддерживавшим антирусские настроения. В своем ответе на этот выпад Ф.В. Шелов-Коведяев отмежевался от «Исторической справки», на которую ссылался Володин, и привел косвенные аргументы в пользу того, что подобного рода материалы могли фабриковаться в Баку. Действительно, в работах уже известного нам академика З.М. Бунятова содержался намек на то, что представители армянской диаспоры могли бы «захотеть самоопределиваться где-то в Краснодарском или Ставропольском краях» и что армяне будто бы стремятся создать «Великую Армению» между Черным, Средиземным и Каспийским морями. Та же идея о неутолимом стремлении армян к созданию

«Великой Армении» и их претензиях на исконные азербайджанские земли содержится в посланиях президента Азербайджана Г. Алиева. И именно в этом духе были выдержаны заявления так называемого «Армянского национально-освободительного фронта Северного Кавказа». В подтверждение такого рода планов азербайджанские авторы любят ссылаться на антиармянские публикации русского журналиста Величко, относящиеся к началу XX в. Любопытно, что уже после того, как фальшивки были неоднократно разоблачены, они снова привлекли внимание кубанского автора, указывавшего на них как на яркое проявление «армянского национализма»; его книга была опубликована Кубанским университетом в Краснодаре.

Выражая возмущение всплеском антиармянской пропаганды на юге России, частью которой и являлись отмеченные выше материалы, армянская община приводила дополнительные свидетельства в пользу того, что источник этой пропаганды располагался в Баку. Одним из них являлось письмо, поступившее в редакцию газеты «Советская Россия» якобы от русской общины Баку, которое предупреждало русских против «армянской опасности»; в нем говорилось, в частности, о планах создания «Великой Армении» от моря и до моря, а также о стремлении армян стравить христиан с мусульманами и о том, что армяне якобы препятствовали объединению Северного и Южного Азербайджанов. По информации, имеющейся у Ф.В. Шелова-Коведяева, еще весной 1992 г. поездом Баку-Москва в южные регионы России доставлялись целые мешки с многочисленными экземплярами фальшивых брошюр и листовок. Они предназначались для распространения среди местного населения с целью заставить МИД России поддержать Азербайджан в его конфликте с Арменией. Эта пропаганда велась в условиях, когда в Краснодарский край и на Ставрополье массами прибывали армянские беженцы. Частично она достигла своей цели, и осенью 1992 г. в Краснодарском крае отмечались случаи нападения казаков на армян и представителей других народов Кавказа

• • •

Не имея возможности вернуть потерянные земли военным путем, азербайджанские власти делают все, что в их силах, для обоснования территориальной целостности республики. Следы бывшего армянского присутствия на территории современного Азербайджана ничего, кроме неприятных ощущений, у них не вызывают, и они хотели бы от них избавиться. Здесь-то на помощь политикам и приходят историки, археологи, этнографы и лингвисты, которые всеми силами стремятся, во-первых, укоренить азербайджанцев на территории Азербайджана, а во-вторых, очистить последнюю от армянского наследия. Эта деятельность не просто встречает благожелательный прием у местных властей, но, как мы видели, санкционируется президентом республики.

Со своей стороны Армения ведет себя гораздо более осмотрительно. Она ничем не показывает, что имеет какие-либо территориальные претензии к Азербайджану. Если в 1989-1991 гг. армянские политики стояли за воссоединение Народного Карабаха с Арменией, то позднее они приняли формулу «один народ, два государства». Армения даже не хотела первой признавать суверенитет Нагорного Карабаха, чтобы избежать обвинений во

вмешательстве во внутренние дела Азербайджана и, тем более, в попытке аннексии земель соседней республики. Мало того, независимая Армения сделала все, чтобы улучшить взаимоотношения с Турцией. Те армянские историки и писатели, которые ведут идеологическую борьбу за территорию, выступают от своего имени и не имеют официальной поддержки со стороны властей Армении. Таким образом, армянские власти делают определенные шаги к искоренению антитуркских настроений, до сих пор популярных в Армении; по крайней мере, они их не поощряют.

[[Исторический раздел](#)] | [[Библиотека «Вехи»](#)]

© 2006, Библиотека «Вехи»

^[1] *Опубл. в книге: В.А.Шнирельман, «Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье», М., ИКЦ, «Академкнига», 2003.*

^[2] **Мовсэс Каганкатваци (Каланкатуаци)** (VII или X вв.) — армянский историк, автор или редактор «Истории страны Алуанк» — компилятивного, скорее всего, сочинения, приписываемого ему или Мовсэсу Дасхуранци. Если не считать тех немногих упоминаний о Мовсэсе Каганкатваци, которые встречаются у армянских историков XIII в. (у Мхитара Анийского, Киракоса Гандзакеци и Мхитара Айриванского), биографические данные о нем отсутствуют. Также почти ничего неизвестно о времени его жизни. Исходя из того, что Мовсэс говорит о событиях VII в. как очевидец, некоторые исследователи (Шахназарян, Борэ, Эмин и др) относят время его жизни к VII в. Другие исследователи (Патканов, Абемян) полагают, что Мовсэс Каганкатваци жил в X в. и написал самостоятельно только III книгу «Истории страны Алуанк», а в I и II книгах он пересказал события VII в, основываясь на сведениях, заимствованных у Мовсэса Хоренаци, Егише, из житийной литературы, посланий и канонов. Это предположение основывается на том, что в III книге «Истории страны Алуанк» имеется упоминание факта взятия Партава русами в 943 или в 944 г. — события, описанного арабским писателем Ибн Мискавейх (X — XI вв.). Из сообщения самого Мовсэса Каганкатваци известно, что он был уроженцем области Утик, города Каланкатуйка, от названия которого и происходит его имя (см. Мовсэс Каганкатваци, «История страны Алуанк», кн. II, гл. 11). По происхождению он был либо *утийцем*, писавшим на армянском языке, либо армянином, что весьма вероятно, так как в этот период большая часть Утика была уже арменизована. Судя по приписке, имеющейся в одной из рукописей (№ 667, список 1855 г.), автор «Истории страны Алуанк» был монахом. См.: [Мовсэс Каганкатваци, «История страны Алуанк»](#), пер. с древнеармянского Ш.В.Смбатяна, изд. Института древних рукописей им. Маштоца – Матенадаран, Ереван, 1984 г.

^[3] **Сахл Смбатян** – в арабских источниках *Сахль ибн-Сумбат*, армянский князь из династии *аранишахигов*, правитель Хаченского княжества (ок. X в.)

^[4] **Кавказская Албания** (арм. *Агванк, Алуанк*) – древнее государство на территории восточного Закавказья, находившееся в нижнем течении рр. Аракс и Кура — современные Южный Дагестан и Северный Азербайджан) и населённое различными кавказоязычными и ираноязычными народами.

^[5] **Киракос Гандзакеци** (1200-1271) — армянский историк. Был в плену у монголов. Основные труды: «История Армении» (нач. 4 в. — 1265; издана на армянском языке 1961). Описал монгольское завоевание Армении, походы хорезмшаха Джелал-ад-Дина и др. Большая часть жизни Киракоса Гандзакеци протекла в монастыре Нор Гетик, основанном Мхитаром Гошем, автором первого армянского «Судебника».

^[6] **Мхитар Гош** (1130 или 1120(?), Гандзак — 1213, монастырь Нор Гетик, ныне село Гош в Армении) — армянский мыслитель, литературный и общественный деятель, богослов и священник, один из ранних провозвестников армянского Возрождения. Известен как составитель кодекса законов,

включающего гражданское и церковное право. Написанный на древнецерковном армянском языке и отличающийся лаконизмом, этот кодекс использовался в Армении и в Киликии. Помимо Судебника Мхитару Гошу принадлежит более десяти трудов, среди которых большую ценность представляют его «Басни». Мхитар Гош основал монастырь Нор Гетик, который после его смерти стал называться *Гошаванк* (т.е монастырь Гоша - арм.).

^[7] **Грабар** – древнеармянский литературный язык.

^[8] **Арцах** (арм. *Արցախ*) — историческое название провинции древней Армении, на территории которой в настоящее время находится Нагорный Карабах.

^[9] **Тигран II Великий** (арм. *Տիգրանի Մեծ*, греч. *Τιγράνης*, лат. *Tigranes*) — царь Великой Армении в 95 — 36 до н. э., зять Митридата, покорил Месопотамию и Сирию, покорил парфян, в 69 до н. э. побеждён римским полководцем Лукуллом при Тигранакерте, в 66 г. до н. э. подчинился Помпею, уступив ему месопотамские и сирийские свои владения.

^[10] **Страбон** (*Στράβων*, Strabo), знаменитый греческий географ. Расцвет его деятельности относится к царствованию Августа и к началу царствования Тиберия. Его география в 17 кн. (русский перев. Мищенко 1879) дошла до нас в почти полном виде и служит лучшим источником для изучения географии древнего мира.

^[11] **Хачкар** (арм. *Խաչքար* — *крест-камень*) — традиционный элемент армянской культуры, каменное резное изваяние в виде креста, обычно устанавливаемое на дорогах или при монастырях.

^[12] **Гандзасарский монастырь, Гандзасар** (арм. *Գանձասար* — гора сокровищ) — действующий монастырь Армянской Апостольской Церкви, расположен на левом берегу реки Хаченагет, близ деревни Ванк, на территории современного Нагорного Карабаха, в северо-западной его части. Гандзасар впервые упоминается армянским католиком Ананием Мокаци в середине X века. Новый, известный в настоящее время храм, построен князем Гасан Джалаляном на месте старого, упоминаемого в X веке, и торжественно освящён 22 июля 1240. Согласно преданию, в усыпальнице храма захоронена отрубленная Иродом голова Иоанна Крестителя, принесённая сюда из Киликийской Армении во время одного из крестовых походов, из-за чего храм получил название св. Ованеса Мкртыча (Иоанна Крестителя). В советские годы Гандзасарский монастырь св. Иоанна Крестителя был закрыт. Функционирует с 1 октября 1989 г. В постановлениях Совета Министров Аз. ССР № 140 от 2 апреля 1968 г. и № 145 от 27 апреля 1988 года, в которых утверждены списки охраняемых государством памятников на территории Аз. ССР, этот монастырь не упоминается.

^[13] **Хачен** — средневековое армянское феодальное княжество на территории современного Карабаха, сыгравшее значительную роль в политической истории Армении и всего региона в X-XVI вв.

^[14] **Монастырь Амарас** — известный религиозный и культурный центр средневековой Армении — находится в Мартунинском районе Нагорного Карабаха, в юго-восточной его части (провинция Мюс Абанд исторического Арцаха). По свидетельству армянского историка IV—V вв. Фавстоса Бузанда, церковь монастыря Амарас была основана в начале IV в. св. Григорием Просветителем. Наибольшей известности Амарас достиг в середине IV в., после того как здесь был захоронен внук св. Григора Просветителя Григорис. Григорис погиб в 338 г. и был похоронен с восточной стороны церкви, основанной Григором Просветителем. В начале V в. создатель армянского алфавита св. Месроп Маштоц основал в Амарасе первую армянскую школу, отсюда же началось распространение армянской письменности. В 1992 году, когда в ходе карабахской войны Амарас был захвачен азербайджанскими войсками, гробница внука Григория Просветителя, св. Григориса, была разрушена. В настоящее время в монастыре ведутся восстановительные работы.

^[15] **Месроп Маштоц** (арм. *Մեսրոպ Մաշտոց*) (ок.361 — 17 февраля, 440) — святой, армянский просветитель, миссионер, переводчик Библии. Биография Месропа Маштоца подробно описана в книге его ученика, Корюна, который описал просветительскую деятельность своего учителя и изложил наиболее достоверную историю создания армянской, а также грузинской и албанской (агванской) письменности. (См.: [Корюн, «Житие Маштоца»](#), Пер. с древнеармянского Ш. В. Смбацяна и К. А. Мелик-Огаджаняна. М., 1962).

^[16] Сведения о создании М.Маштоцом албанской письменности содержатся также и у Мовсеса Каганкатваци, в его «Истории страны Алуанк» (см.: кн. II, гл. 3; кн. I, гл. 27; кн. III, гл. 24). О создании

албанской письменности см. обширную статью И.В.Кузнецова – [И.В.Кузнецов, «Заметки к изучению агванского \(кавказско-албанского\) письма»](#).

^[17] **Василий Львович Величко** (12 (14) 1860, Прилуки Полтавской губернии — 31 декабря 1903 (13 января 1904), Санкт-Петербург) — русский писатель, поэт, публицист, редактор официальной тифлисской газеты «Кавказ», отличавшейся боевым национализмом и ожесточенным армянофобством.